

EDN: ESZAOR
УДК 130.2.316.34

“Other” Spaces of Russian Far Eastern Cities: from Marginality to “Ethnicity” (Khabarovsk City Case)

Leonid E. Blyakher* and Maksim A. Ustinenko

*Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 10.09.2024

Abstract. Social segregation, although not as pronounced as in the cases described by the classics of the Chicago School, exists today in the cities of Eastern Russia. It manifests itself in identifying “prestigious” and non-prestigious, stigmatized locations. This factor expresses itself not so much in some kind of “material aspects”, but in stable ideas about “what kind of people live there”, although differences are recorded. Depending on the attribution of status to the community living in the territory, the image of the territory is also constructed. At the same time, a number of territories (urban locations) fall into the “other” category. They are given the status of dysfunctional, dangerous spaces that must be avoided. Despite the fact that no significant differences were found during the observation between “dangerous” and “non-dangerous” areas, the stigma attached to “dangerous” areas maintains its status. In the last decade, the list of negative characteristics (attributed to “non-prestigious, dangerous, etc.” districts) was added the characterization of the area as a habitat of “foreign migrants”. At the same time, the very idea of “migrants” in these locations changes depending on which ethnic groups represent “migrants” in the minds of residents. The article intends to identify and describe such stigmatized, “migrant” locations, analyze the presence/absence of an increased concentration of “migrants” in these locations, analyze mechanisms of attributing ethnicity to space in “urban discourse”, conceptualizing it as a form of “struggle for the city”.

Keywords: city space, segregation, ethnicization, Russian Far East, struggle for the city, spatial stigma.

The study was supported by the Russian Scientific Foundation № 24–18–20038, <https://rscf.ru/project/24–18–20038/> in collaboration with the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (agreement 116C/2024).

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Blyakher L. E., Ustinenko M. A. "Other" spaces of Russian Far Eastern cities: from marginality to "ethnicity" (case of Khabarovsk city). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1816–1833. EDN: ESZAOR

«Чужие» пространства дальневосточных городов: от маргинальности к «этничности» (на примере города Хабаровска)

Л.Е. Бляхер, М.А. Устиненко

*Тихоокеанский государственный университет
Российская Федерация, Хабаровск*

Аннотация. Социальная сегрегация, хоть и не столь проявленная, как в случаях, описанных классиками Чикагской школы, существует сегодня и в городах Востока России. Она проявляет себя в выделении «престижных» и непрестижных, стигматизированных локаций. Это проявляется не столько в каких-то «материальных аспектах», хотя отличия, конечно, фиксируются, сколько в устойчивых представлениях о том, «какие люди там живут». В зависимости от приписывания статуса сообществу, проживающему на территории, конструируется и образ территории. При этом ряд территорий (городских локаций) попадают в разряд «чужих». Они наделены статусом неблагополучных, опасных, пространств, которых необходимо избегать. При всем том, что особых различий в ходе наблюдения между «опасными» и «не опасными» районами обнаружить не удалось, наделение «опасных» районов стигмой сохраняется. В последнее десятилетие к перечню негативных характеристик, приписываемых «непрестижным, опасным и т.д.» районам, добавилась характеристика района как места обитания «иностранных мигрантов». При этом само представление о «мигрантах» в этих локациях меняется в зависимости от того, какие именно этнические группы в сознании жителей олицетворяют «мигрантов». В статье предполагается выделение и описание таких стигматизируемых, «мигрантских» локаций, анализ наличия/отсутствия в этих локациях повышенной концентрации «мигрантов», анализ самих механизмов приписывания этничности пространству в «городском дискурсе», осмыслению ее в качестве формы «борьбы за город».

Ключевые слова: городское пространство, сегрегация, «этнизация», Дальний Восток, борьба за город, пространственная стигма.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–20038, <https://rscf.ru/project/24-18-20038/>» совместно с министерством образования и науки Хабаровского края (соглашение 116С/2024).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Бляхер Л. Е., Устиненко М. А. «Чужие» пространства дальневосточных городов: от маргинальности к «этничности» (на примере города Хабаровска). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1816–1833. EDN: ESZAOR

Введение

Одним из направлений исследования, возникающего на пересечении исследовательских полей социологии города, точнее социального пространства городов и изучения миграции, выступает исследование расположения в городах принимающего сообщества мест с повышенной концентрацией иностранных мигрантов. Поиск этнических анклавов в дальневосточных городах продолжается едва ли не весь постсоветский период. Первоначально, вплоть до 2008 г, речь шла о «китайских анклавах» («чайнатаунах»), укореняющихся в городах региона, несущих не всегда понятную, но четко осознаваемую угрозу (Rybakovskii, Zakharova, Mindogulov, 1994; Dyatlov, 2008). Поскольку же фактически обнаружить их не удавалось, речь велась о скрытой, тайной миграции (Gel'bras, 1995). После 2008 г, когда численность китайских мигрантов в регионе резко уменьшилась, поиски этнических анклавов в городах Дальнего Востока сменил направление. Теперь в центре внимания были не столько китайские мигранты, сколько мигранты из постсоветских республик, главным образом из Средней Азии и Кавказа (Kuznetsov, 2012). Исследователи фиксируют этнические анклавы в разных районах города, как правило, связанные с этнически окрашенными в восприятии жителей рынками, фиксируют социальную напряженность в этих районах (Yarulin, Garnaga, 2018). О том, насколько «этнические районы» в дальневосточном городе Хабаровске являются данностью, что это за районы, какова их роль в городском пространстве, мы и пробуем поговорить ниже.

Проблема, анализу которой мы предполагаем посвятить настоящую статью, располагается на пересечении двух исследовательских полей, каждое из которых берет свое начало в трудах классиков Чикагской школы. Во-первых, это исследование городской сегрегации, пространственного неравенства в городах (Park, Burgess, Mc Kenzie, 1925). Для нас особенно важно, что именно здесь, в рамках «социальной экологии», выделялись и описывались престижные и стигматизированные районы (Wirth, 1927), формы дистанцирования

и коммуникации между ними. Во-вторых, это проблема «этнических пространств» в современном городе. По мнению представителей этого направления, в силу наличия дистанции между «расовыми группами» естественным образом складываются совместности, где преобладают представители данного этноса (Cressey, 1938).

Собственно, отталкиваясь от этого положения чикагцев, складывается традиция изучения этнических анклавов с повышенной концентрацией представителей данной этнической группы, специализирующихся на определенных видах бизнеса. Последний тоже принимает «этническую» окраску (Liu, 2009). Отмечается и то, что, как правило, эти районы относятся к непрестижным, в определенной мере стигматизируемым пространствам (Denton, Massey, 1991). Иными словами, в исследовании городского пространства проблемное поле сегрегации в большей или меньшей мере пересекается с проблемой вхождения в сообщество горожан новых мигрантов, обладающих этнической спецификой («других») (Andersen, 2017). При этом представления о миграции и мигрантах обретают четкую этническую привязку.

Соответственно, исследования этнической специфики сегрегации социального пространства в российских городах строились по этой же логике. Мигранты, как правило, иностранцы, образуют этнически окрашенные пространства (места резидентной концентрации мигрантов (Varshaver, Rocheva, Ivanova, Ermakova, 2020). Они собираются в малопрестижных, в каком-то отношении стигматизированных районах близ рынков, баз, складов и т.д. (Dyatlov, Grigorichev, 2013). Поскольку же некоторый набор локаций городского пространства осмысливается жителями как «опасный» (в связи с «опасными» мигрантами), то и мигрантофобия получает осмысление в форме борьбы за город, отстаивания своего «права на город» со стороны горожан (Harvay, 2008).

Нечто подобное искали и, естественно, находили (поскольку искали) в городах Дальнего Востока России. При этом

за пределами интереса исследователей оказывалась специфика «почвы», активно проявляющая себя уже в подобных исследованиях в соседней Восточной Сибири (Dyatlov, Grigorichev, 2014). Сконцентрировать внимание на этой специфике применительно к городу Хабаровску мы и попытаемся в статье.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Итак, предметом нашего исследовательского интереса выступает социальное пространство города Хабаровска. Точнее, те его части, которые, по мнению горожан, характеризуются повышенной концентрацией иностранных мигрантов. Соответственно, наше исследование касалось прежде всего этих локальностей. Мы попытались в своей работе ответить на несколько связанных вопросов. Первое – кого именно считают «мигрантами» представители принимающего сообщества. Второе – где, по их мнению, «мигрантов» в городе особенно много. Чем характеризуются сами эти «мигрантские локальности», являются ли они «мигрантскими». И, наконец, какова специфика принимающего сообщества (города Хабаровска). Это предопределило и особенности эмпирической базы исследования, ориентированной главным образом на антропологические способы получения информации.

При формировании эмпирической базы исследования мы в минимальной степени ориентировались на данные статистики. Последние демонстрируют крайне небольшое число иностранных мигрантов, присутствующих сегодня на территории Хабаровска. По данным Росстата, сальдо миграции в 2022–2023 гг. не достигает во всем крае, не только в городе, и 500 человек. Крайне скромно оценивается численность мигрантов и Всероссийской переписью населения 2020 г.¹ Впрочем, это обстоятельство никак не сказывается на представлении о том, что мигранты (иностранцы, другие) – это значительная группа в городе.

В число мигрантов включаются люди, многие годы проживающие в Хабаровске. Основанием для этого выступают прежде всего внешний вид, язык (этничность) и сфера занятости. Остальные характеристики агента, даже наличие/отсутствие иностранного гражданства, остаются за пределами внимания. В силу этого обстоятельства главным эмпирическим основанием для нашего исследования выступают две серии неформализованных интервью, собранных в 2022–2023 гг., и наблюдение, проведенное в районах, где, по мнению респондентов, имелась повышенная концентрация мигрантов (2023 г.).

В первой серии респондентами выступали жители города Хабаровска. Нас интересовали в интервью те пространства, которые, с их точки зрения, являются «этническими» («мигрантскими»). С другой стороны, нас интересовали стигматизированные районы («опасные», те, которых «избегают»). Всего 12 интервью. Отбор осуществлялся с ориентацией на место жительства, поскольку иные характеристики (пол, возраст, уровень образования) принципиальных различий не выявили. В отношении места жительства ответы различались существенно. Так, респонденты, проживающие в центре города, выделяли гораздо больше этнически окрашенных («опасных», «плохих») мест, нежели жители северной и южной части. При этом большая часть «плохих» мест, связанных с мигрантами (этническими «чужаками»), с точки зрения жителей северной части города, находятся в южной, и наоборот.

Во второй серии респондентами выступали иностранные мигранты (21 интервью) в том числе два гражданина КНР, три этнических азербайджанца и один армянин, пять этнических узбеков, девять этнических таджиков и один кыргыз. При этом восемь респондентов-выходцев из Средней Азии обладали на момент интервью вторым гражданством Российской Федерации. Различным было и время пребывания в городе и стране. Три респондента находились в Хабаровске более трех лет. Восемь респондентов находились менее года и не предполага-

¹ Russia population census (2020) Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 1 June 2024)

ли пребывание на более длительный срок. В этих интервью нас интересовал выбор места жительства, перемещение по городу, коммуникация, складывающаяся с представителями «своей» этнической группы, с представителями принимающего сообщества, формы работы и досуга.

На основании этих и вторичных данных мы попытались реконструировать формирование в городе «непрестижных», стигматизированных пространств. Совмещение «мигрантских» районов и районов «плохих» стало отдельным источником информации. Поскольку, по общему убеждению исследователей, в формировании «дискурса о мигрантах» большую роль играют СМИ (Vendina, 2004), мы проанализировали публикации, посвященные мигрантам, в двух краевых газетах и двух таблоидах за период с 2020 по 2023 гг.

Дополнительным источником эмпирических данных выступало наблюдение в районах, воспринимаемых в качестве «мигрантских», а также обход заведений общепита (ресторанов, кафе, столовых), имеющих этническую специфику. Отдельным, самостоятельным элементом исследовательского дизайна выступала исторически складывающаяся особенность формирования сообщества дальневосточных городов. Именно она, как нам представляется, выступает причиной, детерминирующей характер взаимосвязи между представлениями о «мигрантских анклавах» и «чужих» районах города. С нее мы и начнем свое рассмотрение.

Проточная общность и миграция

Дальний Восток России, во всяком случае, та его часть, которая прежде входила в Приамурское генерал-губернаторство (не входили Забайкалье, Якутия, часть Магаданской области), изначально представляла собой регион мигрантов. На момент вхождения в состав России население, скажем, Приамурья не достигало и десяти тысяч человек (Osipov, Tyutyunnikov, 2007). В результате государственной политики переселения, а также ряда удачно сложившихся факторов в период с 1881 по 1913 гг.

население территории главным образом за счет переселения возросло почти до миллиона жителей. Однако годы гражданской войны, а главное, в результате жестокого подавления крестьянских восстаний против советской власти, сотрясавших регион с середины 20-х до середины 30-х гг. XX века (Karaman, 2005), территория Дальнего Востока обезлюдела. Значительная часть жителей переселилась на другую сторону Амура, в Китай. В итоге советской власти достался прежде богатый, но ныне «пустой» регион. Его заселение и стало одним из приоритетов дальневосточной политики в период СССР. Становление ВПК, основы советской экономики Дальнего Востока, как и развитие связанных с ним образования, социальной инфраструктуры, городских форм, осуществлялось именно как всесоюзный проект. Участие в нем принимали представители всех территорий (национальных республик) страны. В этих условиях миграционный приток народонаселения почти всегда превышал его естественный рост. Мигранты составляли существенную, если не преобладающую часть населения городов. При этом этничность мигранта не была значимым атрибутом в этот период. Ведь каждый из них был представителем советского народа, «национальные по форме и социалистические по содержанию».

Более того, в силу огромного культурного, языкового и этнического разнообразия групп, представители которых прибывали в регион, возникают механизмы, позволяющие им организовывать различного рода транзакции. В известной степени эти механизмы находятся в отношении противоречия. Во-первых, к таким механизмам можно отнести, особенно в советский период, официальный дискурс. Именно он детерминировал коммуникацию «простых советских людей». Он же в большей степени детерминировал самосознание жителей региона – быть гарнизоном крепости «на Востоке СССР» (Blyakher, 2004). Но был и второй механизм, более связанный не с публичным дискурсом, но с повседневными практиками на территории с относительно слабым разви-

тием социальной, да и транспортной инфраструктуры, постоянными проблемами с обеспечением товарами народного потребления, превращающим большую часть социальных действий в проблему, для разрешения которой и необходима коммуникация, в том числе коммуникация с «другим». Такой механизм можно обозначить как «витальный», жизненный. Он предполагает включение в местные сети максимально большого числа социальных агентов, стремление «договориться». Об этом постоянно упоминается в нескольких интервью местных жителей, представителей принимающего сообщества.

«Здесь, как бы это сказать, сильной нации просто нет. Все из разных мест. Почти все приезжие. Потому и нет такого, чтобы кто-то один определял, как нужно жить. Где-то азеров больше, где-то армян, где-то русаков, а где-то хохлов или татар. Но в целом всех хватает. Нас, русских, конечно, больше. Но мы ведь тоже все разные. Кто-то с Ростова, а кто-то с Вологды. Значит, люди учатся договариваться, ладить. Умеешь договариваться, тогда и жить будешь нормально» (мужчина, 61 год, предприниматель, житель города Хабаровска).

При этом приехавший «на стройки Дальнего Востока» в советские годы представитель кавказского или среднеазиатского этноса вполне может сохранять связи с местом исхода. Он, как показывает материал интервью, выступает своеобразным «проводником» для новых приезжих. Поскольку же их распределение по городу было достаточно случайным, то и миграционный «ручеек», наличие которого фиксируется весь позднесоветский и постсоветский период, также достаточно равномерно распределяется по городскому пространству (Blyakher, Kovalevski, Leont'eva, 2023). Такая постепенность прибытия, сохраняющаяся, судя по интервью, вплоть до 2010 г., является достаточно серьезным препятствием для возникновения анклавов в городском пространстве.

Строго говоря, выходцы из новых государств, бывших республик СССР, на тот момент «мигрантами» («чужими») для местных жителей и не являются. Эту

нишу прочно занимают выходцы из Поднебесной. Несмотря на то что численность мигрантов из КНР даже в пиковые годы (начало XXI в.), по данным Росстата, едва превышала 1 % населения края, их наличие осмысливается как угроза, «ползучая экспансия». В работах 90-х гг. XX в. и начала текущего столетия, ссылки на которые размещены выше, говорится или намекается на сотни тысяч «нелегальных мигрантов», которые захватывают или уже захватили Восток России. Именно от них ждали появления «чайнатаунов» и в конечном итоге превращения в «чайнатауны» дальневосточных городов.

Причин такого избыточно пристально-го внимания к гражданам КНР, оказавшимся на Востоке России, в тот период несколько. Во-первых, то обстоятельство, активно педалирующееся в официальном дискурсе советской эпохи, что Дальний Восток – это крепость. Причем с 60-х гг. XX века крепость эта защищает СССР именно от агрессии со стороны Китая. Появление китайцев на улицах дальневосточных городов для жителей означало «падение крепости». Следовательно, утрата смысла их существования здесь, утрата региональной идентичности. По всей вероятности, именно это и породило мифы и легенды Дальнего Востока о «нелегальных китайцах», тайно захватывающих страну.

Отсюда в том числе вытекает «вторых». Население региона формировалось под задачи обеспечения трудовыми ресурсами заводов ВПК. При этом обеспечение постоянно, особенно в 60–80-е гг. XX в. (Kovalevskiy, 2023), когда население пребывало особенно стремительно, отставало. Это и приводило к необходимости огромного неформального пласта реальности (Remnev, 2000), сохранявшегося с имперских времен. Если в период советской власти с обеспечением и постоянным дотированием военных производств были некоторые проблемы, то распад хозяйственных связей между частями исчезнувшего Советского Союза, да и отдельными субъектами Российской Федерации в начале 1990-х гг. сделал эту ситуацию катастрофической.

Значительная (до 20 % жителей региона) часть населения просто уехала. Но уехать смогли не все. При этом в основной массе оставались не более, а менее адаптированные социальные агенты, те, у кого не хватило ресурсов для переезда. У оставшихся возникает катастрофическая идентичность, объединение «против». Таким «другим», по отношению к которому идентифицировались оставшиеся, выступали китайцы (Blyakher, 2004). Реликтовые мотивы «желтой угрозы», ярко выраженный этнический фенотип, отличный от местных, языковая дистанция делали выходцев из КНР идеальным «другим».

Однако если синофобия в западной части страны, начавшись позже, шла по нарастающей вплоть до самого недавнего времени, то в Хабаровском крае уже на рубеже веков она идет на убыль, а к концу первого десятилетия XXI в. просто сходит на нет. Причин здесь несколько. Во-первых, на рубеже веков выходцы из КНР становятся привычным элементом ландшафта дальневосточных городов, в том числе города Хабаровска. По существу, они становятся новым входящим потоком, занимая определенные позиции в социальной, да и пространственной структуре города. Во-вторых, после 2008 г. их численность существенно уменьшается, а социальный состав меняется. Строители, работники сельхозпредприятий, городского благоустройства и т.д. сменяются представителями мира науки и искусства, предпринимателями, политиками, туристами. Схлынувший демографический поток остается в виде «следа» закрепившихся и часто натурализовавшихся в регионе граждан КНР.

В этот период на смену «мигрантам» из КНР в качестве «других» приходят мигранты из стран Средней Азии. Предшествующее медленное прибытие в регион переселенцев из этих мест «к землякам и родственникам» сменяется одномоментным появлением в регионе многочисленных работников на стройках к саммиту АТЭС, других мегапроектах, реализуемых в тот период в регионе. Не то чтобы их было невероятно много. Даже в пиковые периоды их численность в крае, по данным Росстата,

не превышала 20 тысяч человек. При этом большая их часть работала за пределами городов, оставаясь почти «невидимой» для местных. Но их единовременное прибытие и существенное отличие от уже влившихся в регион мигрантов советского и раннего постсоветского периода привлекло внимание СМИ, общественников.

В отличие от предшественников, они прибывали на короткий срок, не стремились войти в контакт с местным сообществом. В силу специфики занятости они были плохо одеты, не особенно аккуратны в плане личной гигиены. Все это накладывается на уже вполне сформировавшийся антимигрантский дискурс «столичных СМИ», выступавших образцом для СМИ «региональной периферии». В результате эти вновь прибывшие и становятся новыми «другими». Особенно после того, как стройки или завершаются, или «замораживаются», а работники остаются в регионе. Жесткая связь между атрибуцией другого и этнической принадлежностью приводит к четкому пониманию, что прибыли не вахтовики на стройки Востока России, а приехали «таджики и узбеки».

Если в самом недавнем прошлом, говоря о «дешевой рабочей силе», имели в виду выходцев из Поднебесной, то после 2010 г., как правило, речь шла о представителях среднеазиатских государств – бывших республик СССР. Фиксируемая в интервью начала текущего столетия фраза «нанять десяток китайцев» сменяется фразой «нанять узбеков (позже – нанять таджиков)». Если на рубеже веков ожидалось перерождение «китайских рынков» и прилегающих территорий в «чайнатауны», то сегодня гораздо активнее ведется речь о перерождении российских городов «в аулы и кишлаки». Каков же город, которому грозит превращение в аул и кишлак. Об этом мы и поговорим далее.

Место действия: город Хабаровск

Хабаровск – крупнейший город региона с населением более 617 тысяч человек².

² Khabarovsk city administration website (2024). Available at: <https://khv27.ru/about/general-info/obshchie-svedeniya/> (accessed 1 June 2024)

На протяжении полутора столетий он выполнял функции административного центра Приамурского генерал-губернаторства (до 1917 г.), Дальневосточного края (до 1937 г.), Дальневосточного федерального округа (до 2018 г.) Хабаровского края. Хабаровчане еще с имперских времен говорили, что их город представляет собой «три горы, две дыры и десять тысяч портфелей». Город вытянут вдоль Амура на 33 км. Средняя ширина города 10 км. В направлении Матвеевского шоссе ширина (максимальная) 24 км.

Хабаровск является крупным железнодорожным, автодорожным центром, речным портом, через который осуществляется коммуникация с северными районами региона (по Амуру) и городами КНР (по р. Сунгари). В советские годы в городе работало несколько крупных оборонных и гражданских предприятий, большая часть которых в настоящее время не функционирует.

Датой возникновения Хабаровска, официально отмечаемой в городе, считается 1858 г., когда по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского на берегу Амура у впадения в него реки Уссури был поставлен военный форт Хабаровска (СНernysheva, СНechulina, Suturin, 1983). Военные и составляли долгое время основную часть жителей города. Только став столицей нового, Приамурского, генерал-губернаторства, Хабаровка обретает гражданское население, статус города и чуть позже имя «Хабаровск». Первоначально он располагался вдоль реки, выступавшей главной транспортной артерией. Вдоль Амура шла и главная городская улица Алексеевская (ныне ул. Шевченко). Появление железной дороги изменяет городское пространство. Город вытягивается к вокзалу, а центральной улицей становится Торговая (ул. Муравьева-Амурского).

Однако история этого Хабаровска практически заканчивается в годы гражданской войны, растянувшейся здесь до 1922 г. Население Хабаровска, достигавшего в 1917 г. 53 тыс. жителей, к 1922 г. уменьшилось до чуть более 20 тысяч (Mogozov, 1988).

Однако статус административного центра Дальневосточного края, начало массового прибытия новых жителей привели к тому, что уже к 1926 г. население Хабаровска превысило дореволюционный уровень. При этом рост продолжался в основном за счет прибытия трудовых ресурсов на оборонные заводы, которые с 1934 г. становятся основой экономики региона. Все это порождало сильнейший жилищный кризис (Kulinich, 2010).

При том что три центральные улицы (ул. К. Маркса, ул. Ленина, ул. Серышева) застраивались зданиями в стиле модного в тот период конструктивизма (административные здания, жилые дома для партийных и советских руководителей, работников НКВД, военные административные и жилые здания), остальная часть города стремительно обрастала бараками и «частным сектором» (малозэтажной жилой застройкой). Дома для рабочих новых заводов, выстраиваемые в советской традиции вокруг предприятий, вплоть до 1960-х гг. составляли незначительную часть городской застройки. Да и сами жилые строения регулярной застройки часто не обладали даже минимальным набором удобств. В целом регулярная застройка того периода охватывала чуть более 30 % территории Хабаровска (подсчитано А.В. Ковалевским (Kovalevskiy, Ivanova, 2021)).

Остальная часть города вела «полусельский» образ жизни. В районах «частного сектора», да и бараков, примыкавших к «выставочным» районам Хабаровска, люди держали скотину, огороды. Так, в книге под редакцией А.В. Врублевского³ о Хабаровске 60-х гг. XX в. приводится материал с заседания Жилкомхоза, где обсуждались пути решения проблемы поедания коровами, принадлежащими жителям «частного сектора» в центре города, газонов и клумб, разбитых на центральной улице Карла Маркса (ныне ул. Муравьева-Амурского). Проживание в частном сек-

³ Vrublevskiy, A. V. (2013) Khabarovsk shestidesyatykh: Vremya nadezhd [Khabarovsk city in 1960s. Time of hope]. Available at: <https://nko27.ru/upload/iblock/cbb/cbb35e9fbb-b2e6fd706385af89d1865b.pdf> (accessed 10 January 2024).

торе имело свои преимущества (большая возможность для самообеспечения, менее жесткий государственный контроль). Однако проживание в квартире, судя по ретроспективным интервью и воспоминаниям, приводимым в упомянутой книге А. В. Врублевского, было престижнее. В квартирах жили партийные, советские и военные руководители, работники наиболее статусных (оборонных) предприятий, преподаватели вузов, деятели культуры. Получение собственного благоустроенного жилья воспринималось как повышение статуса горожанина.

Изучение карт города Хабаровска за разные периоды, их сопоставление позволяет проследить динамику расширения регулярной городской застройки. С 60-х гг. XX в. до настоящего времени идет «наступление» на «частный сектор» и «пустыри». Все меньше остается локаций, застроенных малопrestiжными домами «частного сектора», бараками. Но они остаются. Если не в качестве реально существующих локаций, то в качестве элемента осмысления пространства города горожанами. Возникает представление о «плохих районах», «чужих» для нормального горожанина. О том, как складывались, как существуют сегодня эти чужие районы, мы и поговорим далее.

Чужие пространства города Хабаровска

В период 60–80-х гг. XX в. и далее начинается наступление на бараки и «частный сектор» в центральной части города. Речки Плюснинка и Чердымовка, протекающие в низинах между центральными улицами, где и располагалась основная часть «непрестижной» застройки центра, были убраны под землю. На их месте прокладываются Амурский и Уссурийский бульвары – до настоящего времени основное место летнего променада горожан. Частично сносятся бараки и «частные» строения. На их месте возводятся классические советские «пятиэтажки», разбиваются парки, строится стадион «Динамо», центральный рынок, новое здание Театра музыкальной комедии (сегодня Музыкальный театр). Впрочем,

полностью частный сектор в центре города исчезает только в текущем столетии.

В 60–80-е гг. XX столетия преобразуется и северная часть города (Краснофлотский и частично Кировский районы). Огромные районы малоэтажной стихийной застройки (определяемые вернакулярами «Серая лошадь», «Семь ветров», «Победа», «Рыбак») начинают обретать «городской вид». В этот период здесь строятся два вуза (Хабаровский политехнический институт и Хабаровский институт народного хозяйства). Несколько позже напротив института народного хозяйства создается институт экономических исследований ДВО АН СССР. Жилье для работников вузов и НИИ, активно строящееся в этот период, закладывает основу будущего «Северного микрорайона», существенно потеснив «частный сектор» вернакулярного района «Серая лошадь». Другим центром регулярной застройки, возникшей в этот период, были дома и общежития для работников строящегося завода «Сплав». Тем не менее до настоящего времени пространства «частной застройки», пустырей и брошенных промзон сохраняются, хотя и становятся все меньше.

Стоит уточнить, что «репутация территорий» оказывается существенно более консервативной, нежели ее застройка. Так, уже вполне регулярная застройка некогда территорий «частного сектора» в районах «Победа», «Мясокомбинат», «Серая лошадь» и некоторых других не особенно сказывается на восприятии этих районов жителями города как «опасных», «плохих». Особенно, если речь идет о жителях мест, сколько-нибудь удаленных от этих локаций.

В южной части города (Индустриальный район) частной застройки было изначально несколько меньше, чем в северной и центральной. Здесь преобладали бараки и дома 1940–1950-х гг. постройки, в которых жили работники в целом менее «престижных» (не связанных с ВПК) заводов им. Горького, судостроительного завода, химфармзавода, завода «Амуркабель». Это был не «частный сектор», но во многих из этих домов не было водоснабжения и ка-

нализации. В качестве отопления использовались печи. В целом индустриальный район (самый большой район города) относится к непрестижным локациям. Во всех интервью упоминалась городская поговорка «Южный (общепотребительное название района) – никому не нужный».

В реальности последние десятилетия в этом районе города ведется огромный объем строительных работ, работ по благоустройству территории, прокладыванию новых более удобных развязок и трасс. Вдоль новых улиц (например, улица Пионерская) идет активное строительство современных домов, торговых и досуговых центров. Но, как и в северной части города, «плохие» территории остаются. Более того, в сознании горожан их число остается весьма значительным. Для жителей южной части города (близких) такими «плохими» локациями продолжают выступать локация «Пятая площадка», «Красная речка», «Химфарм» и некоторые другие.

«Ну, там, на «Пятой площадке» или, скажем, где «деревяшки» (бараки 40–50-х годов – примечания интервьюера) на проспекте «60 лет Октября» жить особо никто не хочет. Дома старые, удобства на улице, вместо водопровода колонка. Да и люди там живут такие, как бы сказать, маргиналы. Спившиеся, опустившиеся, просто урки всякие или мигранты. В крайнем случае, те, кому не повезло в жизни, кто не смог вырваться» (женщина, 38 лет, житель города Хабаровска).

«Плохой район», становится стигмой. Даже ликвидация части пустырей и «старых» домов, улучшение качества дорог далеко не всегда сказываются на «репутации» данной локальности. Стигма вполне может сохраняться и даже распространяться на все соседние локальности. Стигматизируется здесь уже не «частный сектор» или иной образ жизни, но сама локальность. При этом достаточно часто стигматизируемый район (больше виртуальный) и реальная городская локальность существуют отдельно друг от друга.

«На «Красную речку» по своей воле переезжают редко. Дело не только в том, что

очень далеко. Опасно там. Прибить могут. Как стемнеет, на улицу лучше не выходить. Опять же, «зона» там. Представляете, прямо в городе. И контингент там соответствующий. А если по делам, так там и делать нечего. Просто объехать плотнячок, если на «Заимку» (популярное в городе место отдыха – примечание интервьюера) едешь. А так, нехорошее место. И делать там нечего. Из новых там только мигранты селятся» (мужчина, 46 лет, житель города Хабаровска).

При этом сегодня это район вполне регулярной городской застройки.

Подобная стигматизация локаций, даже в случае их изменений, встречается и в других районах города. Показательна здесь история вернакулярного района вокруг ул. Шелеста, расположенной на границе Кировского и Краснофлотского районов, входящих сегодня в Северный округ г. Хабаровска. Вплоть до начала текущего столетия здесь располагался «частный сектор». По убеждению горожан, жили здесь цыгане, торговавшие наркотиками. Соответственно, сама локация воспринималась в качестве одного из центров городского криминала. В текущем столетии на очень небольшой, менее двух километров, улице появились гостиница, несколько автомастерских, автосалон, кафе, адвентистский молельный дом, продовольственные магазины, цветочный салон. Деревянные строения частного сектора вытесняются коттеджами. Меняется контингент жителей.

Тем не менее все респонденты-представители принимающего сообщества при оценке локальности «улица Шелеста» говорили о криминале, наркотиках и опасности этого пространства. Другой вопрос, что для вполне состоятельных и мирных местных жителей (по сути, жителей внутригородского элитного пригорода) эта репутация играет роль охраны от избыточного внешнего внимания. Причем в этом отношении она намного эффективнее, чем стена, ЧОП или камера наблюдения. Этот момент достаточно явно выражен в единственном интервью с жителем этой локации.

«Думаю, Вы понимаете, что я, юрист и общественник, никак не являюсь криминальным деятелем. Почему живу здесь? Удобно, потому что. Лишних людей здесь практически не бывает. Вы же понимаете, улица Шелеста, страшный и криминальный район. А до центра мне ехать, если без пробок, минут семь-десять. Да и соседи здесь, если откровенно, тоже вполне спокойные. В чужие дела не лезут» (мужчина, 45 лет, глава юридической фирмы, житель локации).

Иными словами, городская мифология пространства достаточно долгий период заслоняет от взгляда жителя изменения, происходящие в тех или иных локациях. Реальностью жителя остается наличие опасных, стигматизированных, «чужих» районов города.

Это не значит, что «плохие» районы города реально отсутствуют. В одной из предшествующих работ мы попытались составить карту таких районов (Blyakher, Ivanova, Kovalevskiy, 2021). Для нас важно, что в представлении основной массы горожан есть районы, как бы выпадающие из городского пространства. Они есть, но мало кому доводилось там бывать. Бывать там опасно, да и просто бессмысленно. Они «чужие» для города. Но в этих «чужих» районах живут люди. В работе, ссылка на которую приводилась выше, мы уже описывали этих жителей. Правда, в тот момент наш интерес был сосредоточен на представителях принимающего сообщества, не был связан с этничностью. Но едва ли не в каждом интервью в рамках данного исследования «чужие» районы так или иначе связывались с «чужими» горожанами, с «мигрантами». Они там фигурировали наряду с «бомжами», «бандитами» и другими городскими «чужими». На этой связи мы и сосредоточим внимание далее.

«Чужие» мигранты в «чужих» локациях: есть ли они?

О значении социального конструктивизма в выстраивании образа мигранта в России существует достаточно обширная литература (Malakhov, 2023; Varshaver,

2023). От ее положений имеет смысл оттолкнуться и в нашем случае. «Мигранты» в рамках господствующего дискурса, так или иначе воспроизводившегося представителями принимающего сообщества, в минимальной степени связаны с самим фактом недавней миграции. Это понятно, поскольку значительная часть принимающего сообщества г. Хабаровска тоже являются мигрантами или потомками мигрантов. Фраза «коренной дальневосточник» в СМИ чаще всего означает человека, родившегося здесь.

«Мигрант» – это прежде всего представитель определенного этноса, обладающий некоторым набором черт, явно выделяющих его из местного окружения. Так, появившиеся после 2014 г. в крае беженцы из Донбасса, ни в одном интервью не осмыслились в качестве мигрантов. Черты эти, как и сама этничность, изменчивы. Для 90-х гг. (вплоть до 2010 г.) эти черты в большей степени связаны с выходцами из Китая. Хабаровский край – одна из немногих территорий России, где никогда не спугают китайца и корейца. После 2010 г. (дата отмечена в шести интервью) «желтых» мигрантов сменяют «черные». Под «черными» понимаются приезжие из среднеазиатских государств – бывших республик СССР (смуглые, черноволосые, черноглазые). Особенно активные борцы с «засилием мигрантов» расширяют понимание «черных» и на выходцев с Кавказа.

«Нас, считай, в Биробиджане все знают. Семью нашу. В Хабаровске тоже раньше проблем не было. Одет нормально. На русском говорю не хуже тебя. Где-то в десятом, наверное, году проблемы появились. Тогда китайцы исчезли, а завозить на стройки стали узбеков, много. Они совсем другие были. Здешнюю жизнь не понимали. Понятно, что случались конфликты с местными. Для местных же, что узбек, что азербайджанец – черный. То, что ты на Дальнем Востоке живешь с рождения, его тоже не парит» (мужчина, предприниматель, 32 года, этнический азербайджанец).

Но этничность (определенный тип внешности) – важный, но не единствен-

ный отличительный признак «мигранта». Мигранты заняты низкоквалифицированным трудом. Это прежде всего, по мнению респондентов, стройка и ремонт квартир, дач, благоустройство городской и домовоей территории. Достаточно часто в качестве сферы деятельности мигрантов упоминались магазины (продавцы на кассе, грузчики), работа в такси и т.д. В трех интервью упоминался этнический общепит (заведения, где подают плов, шашлык, шаурму). Причем сам этот общепит является низко-статусным, дешевым. Только в одном интервью упоминались «мигранты» из числа студентов хабаровских вузов и в одном – врачи. Занимаясь физическим, низкоквалифицированным трудом, мигранты неопрятно и бедно одеты.

По этим параметрам и «узнают мигрантов». Очень показательный проект, связанный с таким узнаванием, был реализован в Хабаровске в 2022–2023 г. общественным деятелем города А. Джан-Ша⁴. Известные в городе персоны (ученые, артисты, художники, педагоги) были «переводы мигрантами» и сфотографированы в «мигрантском окружении». Рядом располагались их фото в обычной для них одежде. Наблюдатели безошибочно «узнавали мигрантов». В беседе с ней же упоминалась сходная ситуация в реальной жизни. Ее супруг, родившийся и проживший всю жизнь в регионе, имеет среди предков китайцев и узбеков. Его смуглость и вид деятельности (строитель) порождали коллизии, о которых и рассказывал респондент.

«Было несколько смешных историй, когда на мужа моего консультант наорал в Леруа Мерлен, когда он стройматериалы покупал. Потом было еще, когда жилец этого дома, когда мы переехали... А мы по меркам этого дома как бы не бедные, да. Вот, ему сказали, чтобы не ставил тут машину, а ставил за воротами. Типа мы тут скидывались – мы собственники, а ты иди

туда. У него бизнес связан с ремонтами и недвижимостью, он иногда ходит ну так. Как-то... Ну, как мигрант» (женщина, общественный деятель, 56 лет, житель города Хабаровска).

Неопрятные, низкостатусные, «черные» мигранты («чужие») и располагаются, по мнению респондентов, в «чужих» районах города. Там, где «нормальному человеку» делать нечего. Во всяком случае, именно так интерпретировали ситуацию респонденты-представители принимающего сообщества. В качестве мест скопления «мигрантов» респонденты упоминали городской автовокзал, «Пятую площадку» и «Химфарм» (непрестижные локации в южной части города), частный сектор в районе «Победа» и «Полярная» (непрестижные локации в северной части города), рынок на ул. Выборгской, ряд других малопрестижных локаций. Показательно, что, по мнению жителей южной части города, мигрантов больше в северной, и наоборот.

Мнение самих «мигрантов» отличалось от мнения респондентов из принимающего сообщества. Тут анклав не выделялись.

«Где таджики живут? Где получается, там и живут. Мы же все разные. Есть богатые, такие, у которых свои магазины или кафе. Есть те, кто машины сдает таксистам. Ну, таким, землякам. Он зарегистрировался, все оформил. А они работают. Часть ему отдают. Такие часто в центре живут. Сейчас много врачей-таджиков. Они тоже много в центре снимают. Бедные живут там, где жилье дешевое. Ну, или там, где хозяин им снимет. По всему городу, считай, живут» (мужчина, предприниматель, этнический таджик, 49 лет).

Наблюдение в районах, где, по мнению респондентов, наблюдалась повышенная концентрация мигрантов (выходцев из Средней Азии и Кавказа), показало, что искомые агенты там присутствуют, но не доминируют. Они проживали в этих локациях, поскольку съём жилья там был намного дешевле. Рынок в качестве места притяжения (проживания) фиксировался

⁴ Photo projekt «YA tak vizhu. Dva vzglyada na drugogo cheloveka» // Alla Dzhana-Sha [Photoprojekt "The way I see. Two glances at another person // Alla Dzhana-Sha] (2023) Available at: <https://khabarovsktv.ru/programms/fotoproekt-ya-tak-vizhu-dva-vzglyada-na-dругого-cheloveka-alla-dzhan-sha-0> (accessed 1 May 2024)

только в случае с рынком на ул. Выборгской, который, кстати, традиционно обозначался жителями города как «китайский рынок». Впрочем, китайцев там практически не наблюдалось. Зато выходцы из Средней Азии в качестве продавцов присутствовали. Но, опять же, не в доминирующем соотношении. Их было меньше, чем местных продавцов. Как отметил респондент-продавец на рынке.

«Конечно, есть таджики. И киргизы есть. Вон там, на углу пирожки свои и манты продают. А таджики у китайцев работают. Особенно, если недавно приехал. Хотя у своих тоже работают. Азербайджанцы на своем рынке торгуют. Здесь их, считай, нет. Раньше узбеков много было. Теперь поужезжали, когда карантин был. В основном-то, конечно, мы торгуем, хабаровчане» (мужчина, продавец-предприниматель, 36 лет, житель Хабаровска).

Сходная ситуация фиксируется и в районе городского автовокзала. Действительно, большая часть работников (грузчиков, уборщиков и т.д.) являются этническими таджиками. Но, скажем, один из сотрудников автовокзала, представитель принимающего сообщества, интерпретирует эту ситуацию несколько отлично от «внешних наблюдателей». Последние говорят о «захвате» автовокзала таджиками. В его интерпретации речь идет о том, что после долгих лет невозможности найти нормальных работников штаты, наконец, удалось укомплектовать за счет недавних мигрантов.

«У нас раньше одни бичи и алкаши работали. Сам понимаешь, зарплата небольшая, работа непрестижная, не в офисе сидеть. Теперь «черные» работают. Нормально. Они не бухают, с ними договариваться проще. Беда только, мало их стало. Скоро опять будем бичей нанимать» (мужчина, 48 лет, работник автовокзала).

Пожалуй, наиболее явно присутствие «мигрантов» (таджиков, киргизов) в городе фиксируется по этническому общепиту. Он же составляет значительную часть традиционной занятости «мигрантов» (наряду со стройкой, ЖКХ и др.). Однако, если

«строители» остаются почти невидимыми для горожан, а «таксисты» достаточно сложно локализируются в пространстве, кафе, рестораны, закусочные, этнический фастфуд являются вполне зримыми и фиксируемыми элементами присутствия и локализации.

Для фиксации этих элементов мы обратились к системе 2ГИС, фиксирующей общепит лучше, нежели официальные формы регистрации. Однако какой-либо пространственной специфики выявить не удалось. Заведения, где по названию или меню можно было бы предположить этническую специфику (среднеазиатскую), фиксировались более или менее равномерно во всех частях города. Центральная часть города и относительно престижные «спальные районы» точно так же включали в себя «этнические» кафе или иные формы «общепита», как и малопrestiжные окраины или «опасные» районы.

Однако обход (наблюдение) этих заведений специфику показывает. В центральной части города преобладают престижные рестораны и кафе, ориентированные на состоятельных потребителей. Часто собственниками здесь выступают местные жители и представители азербайджанской диаспоры (самой состоятельной в городе). Однако повар чаще всего представляет среднеазиатский этнос и соответствующую кулинарную традицию. По мере удаления от центральной части города численность и престижность кафе снижается. Увеличивается число мест с минимальным уровнем обслуживания. Часто это несколько столиков, расположенных в небольшом строении, или даже просто «продажа на вынос» блюд среднеазиатской кухни (плов, самса, манты, салаты). Здесь преобладают не только повара, но и собственники, выходцы из стран Средней Азии.

Стоит отметить два значимых обстоятельства, выявленных в ходе наблюдения. Во-первых, минимальное число «этнических» (таджикских, узбекских, киргизских) заведений ориентированы на «своих». За все время наблюдений нам удалось обнаружить два заведения, где среди кли-

ентов преобладали представители среднеазиатских этносов. Но даже там клиенты – представители принимающего сообщества (местные жители) имелись, причем в немалом количестве. Большой частью «этнический» общепит ориентировался на местных жителей и автовладельцев, проезжающих по близлежащей трассе («этнический» пит-стоп). В этом плане говорить о кафе как центре коммуникации диаспоры довольно сложно. Скорее, речь идет о том, что «мигрантская» кухня, как и в целом на рынке труда, заполняет нижний сегмент этой отрасли. Возникнув в качестве «центров для своих», они довольно быстро выходят за пределы общины, становятся элементом городского ландшафта.

Во-вторых, «узбекские кафе» (пит-стопы, ларьки и др.) в малопrestижных районах города и вдоль крупных трасс почти всегда расположены на тех местах, где в 90-е гг. XX в. и в «нулевые» годы текущего столетия располагались «китайские чифаньки», центры быстрого и недорогого питания того периода. Иными словами, именно среднеазиатская кухня заполняет сегмент быстрого питания в городе, вытесняя из него и «китайки», предшествующие им «армянские шашлычки» и даже вездесущую пиццу. Действительно, число «узбекских» кафе (маленьких заведений с не особенно высоким уровнем обслуживания) больше именно в «чужих» (малопrestижных, опасных) районах города, но встречаются они, особенно в форме пит-стопов, и в престижных «спальных районах». Интересно, что появление «узбекских» кафе сопровождалось преобразованием «чифанек» во вполне фешенебельные рестораны, привлекающие уже совсем другую публику. Еще раньше под воздействием китайских кафе эту эволюцию пережили «шашлычки». Вновь прибывающая этническая группа заполняет лауну «дешевой кулинарии», вытесняя предшественников в более дорогие сегменты.

В «опасных» районах концентрация узбекского (таджикского, киргизского) общепита существенно выше. Там он, по сути, является единственным или, во всяком

случае, преобладающим представителем общественного питания. Но, как показывает наблюдение, связано это не столько с повышенной концентрацией мигрантов, сколько с низкой платежеспособностью местных жителей. Впрочем, респонденты, жители близлежащих домов, транслировали и иную картину. Особенно это касалось локаций, находящихся в вернакулярных районах «Пятая площадка», «Полярная», «Красная речка».

«Тут такое дело. Раньше, ну, до ковида, таджиков, «черных» много было. Тогда их кафэшки как бы для них и работали. А теперь их стало меньше. Ну, сильно меньше. Узбеков, считай, совсем не стало почти. А кафе их остаются. Их же делали парни, которые здесь уже обжились. Считай, что местные. Вот они и начинают для всех работать. А нам нормально. Сытно, дешево» (мужчина, 54 года, житель вернакулярного района «Полярная»).

Заключение

Наличный материал не позволяет делать достоверные выводы, однако при сопоставлении со статистическими данными картина пребывания в регионе миграционного потока может быть построенна, по крайней мере, на уровне гипотезы. Хабаровск большую часть своей истории представлял собой город мигрантов. При этом сам факт недавней миграции в регион не делал автоматически человека «чужим» или низкостатусным. Напротив, в советские годы прибывшие оказывались высококвалифицированными специалистами, вновь назначенными руководителями и т.д. Этнически окрашенная миграция была пренебрежимо малой, в качестве значимого явления не воспринималась (Blyakher, 2014).

Ситуация меняется в постсоветский период. Несмотря на то что явно присутствовало два входящих миграционных потока (миграция с «северов» и иностранная миграция), фиксировался в качестве «входящего» только поток второго типа. Возможно, что это связывалось с тем, что еще в советский период мигрант («чужой») воспринимался в первую очередь как этни-

ческий чужой (Bekker, Kaplunovskiy, 2001). Тем не менее более многочисленные переселенцы в город из городков и поселков края в качестве мигрантов не воспринимались и не интерпретировались. Иностранные мигранты, во всяком случае, более или менее многочисленные потоки, проходили несколько этапов «присутствия» в городе.

Первый этап – появление в городе, как правило, без четкой локализации в пространстве. На этом этапе фиксируется лишь сам факт наличия «чужого» в городе. Как правило, это краткосрочные мигранты (от нескольких дней до нескольких месяцев). Чаще всего прибывают они по торговым делам. Для жителей Северного Китая это была торговля ширпотребом, для жителей Средней Азии – торговля фруктами и овощами. Особо тесных контактов с принимающим сообществом на этом этапе не возникает. Имеется «проводник», который улаживает проблемы с местной властью, вводит «чужого» в городское пространство. Таким «проводником» может быть «земляк» или предприниматель – представитель принимающего сообщества. Численно эта группа на первом этапе не особенно велика.

Второй этап – массовое прибытие в регион. Как правило, массовое прибытие иностранных мигрантов в регион и город связано с периодами экономического расцвета, острой нужды в рабочей силе, которую не может или не желает удовлетворить местное население. Здесь миграционный поток начинает дифференцироваться. Часть потока закрепляется, находит себе сферу занятости, превращается в трансмигрантов, живущих «на два дома». Они поддерживают миграционный «ручеек», составленный из «земляков», чаще всего рекрутируемых в качестве работников собственного бизнеса. Но основной поток в этот период идет через посредство официального бизнеса и государственных структур. Меняется и сфера занятости (строительство, ремонт, ЖКХ, сельхозработники и т.д.). Здесь мигранты фиксируются. Однако антимигрантский дискурс здесь проявляется еще не очень остро. Мигранты необходимы, они «млад-

шие братья», способ самоутвердиться для базовых слоев принимающего сообщества.

Большая часть мигрантов, прибывающих на этом этапе, также ориентированы на краткий период пребывания в городе. Однако именно в этот период стараниями меньшей, но более укорененной части мигрантов начинает складываться «мигрантская инфраструктура».

Третий этап – укоренение в городе. Для мигрантов из Поднебесной это конец «нулевых» годов, для мигрантов из Средней Азии – период после 2014 г. В это время по разным причинам исчезает или сокращается массовое контрактное крупными предприятиями. Поскольку же факторы выталкивания, особенно в отношении мигрантов из Средней Азии, продолжают действовать, значительная часть прибывших на предыдущем этапе остается в регионе. В этот момент они и становятся значимым элементом городского пространства, причем достаточно дифференцированным. Китайские мигранты становятся владельцами кафе и ресторанов, торговых центров и языковых школ, магазинов и «точек» на рынках.

Сферы деятельности выходцев из новых государств Средней Азии тоже оказываются достаточно разнообразными. К традиционным ларькам с овощами и фруктами добавляется работа в такси, ремонт и строительство пригородных дачных и коттеджных поселков, работа по благоустройству городской территории. Именно в этот период возникает устойчивый дискурс о мигрантах, ведется упорный, хоть и безуспешный поиск чайнатаунов, расширяется мигрантская инфраструктура достаточно разной направленности: от решения вопросов с властью до мест с привычной кухней.

Поскольку среди мигрантов, как и среди не мигрантов, большая часть находится у основания социальной пирамиды, то и снимается жилье мигрантами большей частью в малопrestижных, «плохих» районах. Не потому, что воспроизводится «община», а потому, что дешевле.

Но период этот достаточно недолог. Как в первом (с миграцией из КНР), так и во вто-

ром случае (миграцией из Средней Азии) миграционный поток сокращается. Но исчезая или почти исчезая в качестве потока трудовых мигрантов-иностранцев, он остается в качестве значимого «следа» в пространстве города. Так, появляются, а позже исчезают китайские «чифаньки», вытесненные «узбечками», остается в городе сеть «узбекских барбершопов». Привычным блюдом «на природе» становится не только шашлык, но и плов. Врач-таджик перестает быть экзотикой, как и студент или преподаватель, выходец из Средней Азии. Остатки, «следы» миграционного потока постепенно распределяются по всему городскому пространству, становятся его частью.

Исследования миграции в России и за ее пределами, как правило, фиксировали относительно стабильное, неизменное

«принимающее сообщество» и меняющееся, приспособляющееся к принимающему сообществу сообщество мигрантов (Dunn, 2012). Это понимание ситуации и приводило к появлению «миграционного дискурса», денотат которого часто отсутствовал (Golunov, 2008). Постсоветская Россия, особенно ее дальневосточная часть, – стремительно трансформирующееся пространство, крайне далекое от искомой «стабильности». Иностранная и внутрироссийская миграция выступают значимым фактором этой трансформации. При этом меняются и сами миграционные стратегии вслед за изменением принимающего сообщества. Особенно это характерно для дальневосточных городов, население которых в подавляющем большинстве состоит из мигрантов.

Список литературы / References

- Andersen H. S. Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? In: *Housing Studies*, 2017, 3, 296–318.
- Bekker F., Kaplunovskiy A. Etnichnost' i migratsiya: kriticheskoe prochtenie ponyatiya etnichnosti v migratsionnykh issledovaniyakh [Ethnicity and migration: a critical reading of the concept of ethnicity in migration studies]. In: *Ab imperio [Ab imperio]*, 2001, 3, 67–95.
- Blyakher L. E. Potrebnost' v natsionalizme, ili natsional'noe samosoznanie na Dal'nem Vostoke Rossii [The need for nationalism, or national identity in the Russian Far East.]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2004, 3, 44–54.
- Blyakher L. E., Ivanova A. P., Kovalevskiy A. V. «Pustye prostranstva» i ikh obitateli v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) [“Empty spaces” and their inhabitants in the cities of the Russian Far East (case of Khabarovsk city)]. In: *Mir Rossii [Universe of Russia]*, 2021, 3, 150–173.
- Blyakher L. E. Politicheskie mify Dal'nego Vostoka Rossii [Political myths of the Russian Far East]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2004, 5, 28–39.
- Blyakher L. E. *Iskusstvo neupravlyaemoy zhizni. Dal'niy Vostok [The art of uncontrolled living. Russian Far East]*. Moskva: «Evropa», 2014, 208.
- Blyakher L. E., Kovalevskiy A. V., Leont'eva E. O. Etnichnost' kak stigma: vzaimodeystvie voln migratsii na Dal'nem Vostoke Rossii [Ethnicity as stigma: interaction of migration waves in the Russian Far East]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*, 2023, 76, 163–181.
- Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004, 296.
- CHernysheva V., CHEchulina G., Sutorin A. *Khabarovsk: Ocherk istorii 1858–1983 gg. [Khabarovsk: Essay on history 1858–1983]*. Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 336.
- Cressey P. F. Population Succession in Chicago: 1898–1930. In: *American Journal of Sociology*, 1938, 1, 59–69.
- Denton N. A., Massey D. S. Patterns of Neighborhood Transition in a Multiethnic World: U. S. Metropolitan Areas, 1970–1980. In: *Demography*, 1991, 1, 41–63.
- Dunn E. The Chaos of Humanitarian Aid: Adhocracy in the Republic of Georgia. In: *Humanity*, 2012, 1, 1–23.

- Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Migrant Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities]. Irkutsk: "Ottisk", 2013, 624.
- Dyatlov V.I. Rossiya: V predchuvstvii chaynataunov [Russia: In anticipation of Chinatowns]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2008, 4, 6–16.
- Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva [Siberia: dynamics of ethnicization of the urban space of the resettlement society]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The bulletin of Irkutsk State University]. Series «Political science and Religion studies», 2014, 10, 8–19.
- Gel'bras V.G. Rossiya i Kitay: voprosy sobiraniya geokonomiceskikh prostranstv [Russia and China: issues of collecting geo-economic spaces]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1995, 6, 32–54.
- Golunov S.V. *Regional'noe izmerenie transgranichnoy migratsii v Rossiyu* [Regional dimension of cross-border migration to Russia]. Moskva, 2008. 351.
- Harvey D. The right to the city. In: *New Left Review*. 2008, 53.
- Karaman V.N. Sianskoe vosstanie krest'yan. 1930 g. [Xi'an Peasant Revolt. 1930]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and Pacific RIM], 2005, 4, 6–11.
- Kovalevskiy A.V. «Nevidimye» prostranstva i sotsial'nye gruppy gorodov vostoka Rossii: na primere goroda Khabarovska (sotsiologicheskii analiz) ["Invisible" spaces and social groups of cities in eastern Russia: case of Khabarovsk city (sociological analysis)]. Dissertatsiya... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Khabarovsk, 2023, 186.
- Kovalevskiy A.V., Ivanova A.P. Landshafty nuzhdy: gorodskie zemledel'tsy i sobirатели [Landscapes of need: urban farmers and foragers]. In: *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oykumena. Regional studies], 2021, 1, 30–46.
- Kulinich N.G. *Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody* [Everyday culture of Soviet Far East citizens in 1920–1930s]. Khabarovsk: izdatel'stvo Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, 375.
- Kuznetsov A.M. Etnopoliticheskaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii: nekotorye problemy i perspektivy [Ethnopolitical situation in the Russian Far East: some problems and prospects]. In: *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oykumena. Regional studies], 2012, 1, 67–79.
- Liu C. Y. Ethnic Enclave Residence, Employment, and Commuting of Latino Workers. In: *Journal of Policy Analysis and Management*, 2009, 4, 600–625.
- Malakhov V. *Politika razlichiy. Kul'turnyy plyuralizm i identichnost'* [The politics of difference. Cultural pluralism and identity]. «NLO», 2023, 143.
- Morozov P.L. *Khabarovsk: Istoriya. Sovremennost'. Perspektivy* [Khabarovsk: History. Modernity. Prospects]. Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988, 240.
- Osipov YU. N., Tyutyunnikov V. T. O periodizatsii pereseleniya krest'yan na Dal'niy Vostok Rossii (1855–1917 gg.): istoriografiya voprosa [On the periodization of the resettlement of peasants to the Russian Far East (1855–1917): historiography of the issue.]. In: *Dal'nevostochnyy agrarnyy vestnik* [Far Eastern Agricultural Journal], 2007, 4, 94–100.
- Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. In: *The City*, 1925, (47–62).
- Remnev A.V. Regional'nye parametry imperskoi «geografii vlasti» (Sibir' i Dal'nii Vostok) [Regional parameters of the imperial "geography of power" (Siberia and the Russian Far East)]. In: *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2000, 3–4, 343–358.
- Rybakovskii L.L., Zakharova O.D., Mindogulov V.V. *Nelegal'naya migratsiya v prigranichnykh raionakh Dal'nego Vostoka: istoriya, sovremennost', posledstviya* [Illegal migration in the border areas of the Russian Far East: history, modernity, consequences]. Moscow: ISPI RAN, 1994, 46.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. Mesta rezidentnoy kontsentratsii migrantov v rossiyskikh gorodakh: est' li pattern? [Places of residential concentration of migrants in Russian cities: is there a pattern?]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2020, 2, 225–253.

Varshaver E. A. Integratsiya migrantov cherez prizmu konstruktivistskogo podkhoda k etnichnosti [Integration of migrants through the prism of a constructivist approach to ethnicity]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science]*, 2023, 2, 377–396.

Vendina O.I. Mogut li v Moskve vzniknut' etnicheskie kvartaly? [Could ethnic districts emerge in Moscow?]. In: *Vestnik obshchestvennogo mneniya [The Russian Public Opinion Herald]*, 2004, 3, 52–64.

Wirth L. The ghetto, *In American journal of Sociology*, 1927, 1, 57–71.

YArulin I. F., Garnaga, A.F. Dinamika inostrannoi migratsii i ee vliyanie na etnicheskuiu sredu Khabarovskogo kraja [Dynamics of foreign migration and its impact on the ethnic environment of the Khabarovsk Territory]. In: *Regionalistika [Regionalistics]*, 2018, 5, 107–119.